

УДК 94(575.2)

**ВЛИЯНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ЧИНОВНИКОВ
НА ИСТОРИЧЕСКУЮ И КУЛЬТУРНУЮ ПОЛИТИКУ В КИРГИЗСКОЙ ССР
В КОНЦЕ 1950-х – 1960-х гг.**

П.И. Дятленко

Проанализирован ранее не публиковавшийся архивный документ – стенограмма собрания историков и двух прокуроров от 23 января 1959 г., которое было посвящено включению имен реабилитированных чиновников и деятелей культуры в готовившиеся “Очерки истории Коммунистической партии Киргизии”.

Ключевые слова: реабилитация репрессированных граждан; историческая политика; культурная политика; Киргизская ССР.

**1950-ЖЫЛДАРДЫН АЯГЫНДА – 1960-ЖЫЛДАРДА РЕПРЕССИЯЛАНГАН ЖЕТЕКЧИЛЕРДИН
РЕАБИЛИТАЦИЯЛАНЫШЫНЫН КЫРГЫЗ ССРИНИН
ТАРЫХЫЙ ЖАНА МАДАНИЙ САЯСАТЫНА ТИЙГИЗГЕН ТААСИРИ**

П.И. Дятленко

Макалада мурда жарыяланбаган архивдик документ – 1959жылдын 23-январындагы тарыхчылар жыйынын жана эки прокурордун стенограммасы талдоого алынган, аталган жыйын “Кыргызстандын Коммунисттик партиясынын тарыхый очерктери” китебине реабилитацияланган жетекчилердин жана маданий ишмерлердин аттарын киргизүү маселесине арналган.

Түйүндүү сөздөр: репрессияланган жарандарды реабилитациялоо; тарыхый саясат; маданий саясат; Кыргыз ССР.

**THE INFLUENCE OF REHABILITATION OF REPRESSED OFFICIALS
ON HISTORICAL AND CULTURAL POLICY IN THE KYRGYZ SSR
AT THE END OF 1950S – 1960S**

P.I. Diatlenko

The article is devoted to analyze of previously unpublished archive document – the transcript of a meeting of historians and two prosecutors dated January 23, 1959, which was dedicated to the inclusion of rehabilitated officials and cultural figures in the forthcoming “Essays on the History of the Communist Party of Kyrgyzstan”.

Keywords: rehabilitation of repressed citizens; state policy of history; cultural policy; Kyrgyz SSR.

Начавшаяся в середине 1950-х гг. реабилитация репрессированных граждан (в первую очередь, чиновников разного уровня) поставила на повестку дня среди прочих вопрос об отношении к ним, к их научным и художественным трудам, политической и общественной

деятельности, отражению перечисленного в информационном пространстве.

Примерно в 1958 г. в Киргизской ССР была начата работа по созданию “Очерков истории Коммунистической партии Киргизии”. Для их написания была собрана группа известных

историков из Института истории партии при ЦК КП Киргизии, Института истории АН Киргизской ССР и Киргизского государственного университета. У авторов при подготовке проспекта очерков возник ряд вопросов по чиновникам и деятелям культуры и науки в основном республиканского уровня, которые подверглись политическим преследованиям в сталинский период и чьи имена начали возвращаться из небытия в ходе начавшейся партийной и судебной реабилитации.

Среди имен попадались и персоналии союзного и среднеазиатского уровня, которые были в той или иной степени связаны с Киргизской ССР. Пример – Турар Рыскулов. В архивном деле со стенограммой совещания сохранился ответ парткомиссии при Московском горкоме КПСС, подписанный ее председателем, от 23 декабря 1958 г. на запрос Института истории партии при ЦК КП Киргизии от 9 декабря 1958 г. Ответ был адресован заместителю директора Института истории партии при ЦК КП Киргизии А.Ф. Лачко. В нем сообщалось, что решением бюро МГК КПСС от 6 февраля 1957 г. Т.Р. Рыскулов был реабилитирован в партийном порядке (посмертно) [1, л. 5].

Для разрешения возникших вопросов в Институте истории партии при ЦК КП Киргизии 23 января 1959 г. прошло собрание авторского коллектива, на которое был специально приглашен прокурор республики Галимов, который пришел вместе с прокурором г. Фрунзе А.Я. Романовым. До настоящего времени в ЦГА ОПД КР хранится стенограмма собрания и листки с именами и вопросами от авторов, адресованные прокурору г. Фрунзе Романову. Они показывают необычную административную практику – формирование идеологических рамок исторического текста и оценок с помощью ответов прокурора на сложные вопросы историков.

Заседание стенографировалось, и сохранилась значительная часть текста стенограммы, которую, скорее всего, не правили. В стенограмме почти все фамилии приводятся без инициалов, ряд фамилий и инициалов даны в русифицированном написании (Уразбеков вместо Орозбеков, Абдурахманов – Абдрахманов, Д. Садаев – Джайнак Садаев), нами сохранены эти стилистические особенности. Фамилия А. Сыдыкова приведена в таком написании, вместо Садыков, как было приведено в стенограмме.

Председателем собрания был директор Института истории партии при ЦК КП Киргизии

Б.Б. Байбулатов. В начале собрания председательствующий сообщил, что члены авторского коллектива “Очерков” ранее поставили вопрос о выяснении неясных моментов в деятельности “прошлых партийных, советских, государственных руководителей Киргизской областной партийной организации” [1, л. 12]. В повестке собрания было два вопроса. Первый из них – это сообщение прокурора республики Галимова о реабилитации ранее осужденных советских и партийных работников Киргизской ССР.

Затем председательствующий предоставил слово Галимову, который выступил с сообщением о реабилитации ранее осужденных советских и партийных работников Киргизской ССР и ответил на вопросы историков по конкретным лицам и делам. Вначале Галимов, как опытный юрист и партийный работник, заявил, что может рассказать только об отдельных лицах, которые попали под пересмотр дел по указанию ЦК партии, а по поводу других лиц – по возможности, по имеющимся у него данным. Потом перешел к именам из списков, составленных членами авторского коллектива. Он начал с бывшего председателя ЦИК республики Уразбекова и бывших председателей СНК Киргизской ССР. На вопрос с места “Вы говорите о партийной деятельности?” парировал, что может говорить только по конкретным пересмотренным делам, т. е. по их уголовной ответственности.

Галимов сообщил, что дела бывших глав правительства республики Абдурахманова и Исакеева, бывшего наркома здравоохранения Шорукова, бывшего секретаря Киробкома партии Д. Садаева были пересмотрены, и они были реабилитированы.

Прокурор отметил, что дело К. Тыныстанова проверялось военной прокуратурой, и по решению коллегии он был реабилитирован по делу, по которому привлекался. Остановился на заведующем организационным отделом Ошского горкома партии Левине: “Я знаю, что его Джалал-Абадское дело не пересматривалось. Он исключен из партии, насколько я помню. Я в то время работал в контрольной комиссии и помню, что он был исключен из партии и за троцкизм был привлечен к уголовной ответственности, осужден вместе с группой остальных по Джалал-Абаду и дело не пересматривалось” [1, л. 15].

Также сообщил, что дело А. Сыдыкова было пересмотрено военным трибуналом

Туркестанского военного округа в 1958 г. и было прекращено за недоказанностью предъявленных обвинений.

Про список с именами Баумана, Зеленского и Каменского ответил, что сказать ничего не может, так как они были осуждены и реабилитированы не в республике. “Но имеется в виду, что Бауман реабилитирован” [1, л. 15]. Прокурор подчеркнул, что пересмотр дел проводился, как это было указано свыше ЦК и Генеральной прокуратурой СССР, по жалобам осужденных или их родственников. По инициативе ЦК Компартии Киргизии, в частности первого секретаря И.Р. Раззакова, в 1958 г. было дано указание о пересмотре дел на руководящих работниках: бывших членов ЦК, избранных на первый съезд ЦК Компартии Киргизии в 1937 г., членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов ревизионной комиссии. Все их дела были пересмотрены, проверены и все реабилитированы.

В отношении Арабаева, о котором говорили, Галимов сказал, что его дело должно было попасть под пересмотр, так как он входит в дело А. Сыдыкова и других, но он не был осужден и умер до суда. Поэтому данных в отношении него не было, но он должен был быть реабилитирован.

Дела Айдарбекова, заместителя председателя облисполкома М. Янгулатова, Чукина, Артыкбаева (который проходил по делу о “тридцатке”) были пересмотрены прокуратурой республики, и они были реабилитированы.

Т. Худайбергенев был реабилитирован по итогам пересмотра обоих дел против него. По первому делу он был осужден в Ташкенте, по второму – во Фрунзе. По первому делу его реабилитировал военный трибунал Туркестанского военного округа, дело было прекращено.

Дело Худайкулова, Бабаханова и других, осужденных в 1927 г. выездной сессией Верховного суда, на тот момент еще не пересматривалось. После первого осуждения Худайкулов был привлечен и осужден. Его арестовали в Казахстане, потом его арестовали в Киргизии. В 1939 г. Бабаханов умер до суда. Дело заместителя председателя СНК Киргизской ССР Зулфибаева было пересмотрено. Бакас Муратов, бывший секретарь горкома партии в первые годы организации Пишпека, не привлекался к уголовной ответственности и умер своей смертью. Про Алимбаева, Турдыбаева и Гроза прокурор ответил, что про них ничего не знает.

О двух делах против Т. Токбаева Галимов сказал, что они пересмотрены и прекращены, осужденный полностью реабилитирован. И. Тойчинов умер в тюрьме и не был осужден. Его дело не пересматривалось.

Дело бывшего наркома легкой промышленности Сатара Кульматова было пересмотрено, он полностью реабилитирован. Дело Тынаева, бывшего секретаря в Джалал-Абаде, не пересматривалось. Дело Ботбаева, бывшего директора совхоза, члена партии с 1918 г., пересмотрено, он полностью реабилитирован. Дело Чонбашева пересмотрено, он реабилитирован.

О списке деятелей 20-х гг. в масштабе Средней Азии и Казахстана прокурор ответил, что у прокуратуры никаких данных нет. Галимов добавил, что может сказать в отношении одного из них – М. Масанчи, командира дунганского кавалерийского полка, члена партии с 1918 г. Он был привлечен в Казахстане, потом – в Киргизии. В связи с пересмотром дела Абдумина, прокуратура проверила это дело и там Масанчи проходил как свидетель, и имеются данные о пересмотре дела. Он полностью реабилитирован.

После этого Галимов перешел к ответам на вопросы участников собрания. На вопросы с мест “что значит реабилитирован? Могут ли те лица, которые реабилитированы, фигурировать как положительные в истории Компартии Киргизии и других исторических трудах? Если он привлечен по политической, идеологической части, а занимался хозяйственным, культурным строительством и другими вопросами, по этим вопросам мы можем ориентироваться по архивным материалам. Значит, были такие конкретные обвинения, а по остальным вопросам как мы должны судить?” прокурор ответил следующее: “Термин “реабилитация” – юридическое понятие, что по конкретному делу, по которому человек привлечен к уголовной ответственности и осужден, значит, он оправдан, т. е. обвинения, которые предъявлялись, оказались необоснованными... Сыдыков А. и другие бывшие, известные всей Киргизии манапы, дело это проверялось год с лишним назад военной прокуратурой Туркестанского военного округа и прекращено за недоказанностью обвинений, которые были предъявлены. Правда, надеясь на данную аудиторию, в прошлом году приезжал сам военный прокурор Туркестанского военного округа, и было такое мнение, что дело его надо отклонить, но проверка, которая производилась впоследствии,

дала основания прекратить дело. А вот остальные, о которых говорили, Уразбеков, Рахманов и другие, за отсутствием состава преступления прекращены их дела” [1, л. 20–21].

Реабилитация в судебном порядке не является основанием для восстановления указанных лиц по партийной линии, пересмотру оценок их деятельности на идеологическом фронте и на других участках. Галимов привел примеры: “Взять в частности хотя бы Абдурахманова, Сыдыкова, то многие из вас по архивному материалу, по партийному архивному материалу многие члены партии знают, какая тогда проходила группировка, и кем являлся Сыдыков А. Конечно, эта реабилитация по уголовному делу не дает основания, что они реабилитированы по всей деятельности их прошлого, абсолютно нет. В отношении, если взять Уразбекова, бывшего председателя ЦИК Киргизской ССР, то известно всем, что он является участником тридцатки, которая является антипартийной группой, что было установлено комиссией ЦК РКП(б), которая разбиралась. Это тоже, конечно, не дает никаких оснований, что он реабилитирован на партийном и идеологическом фронте. Абдурахманов. ...В данном случае уголовное дело, по которому он осужден, [было пересмотрено и] установлено, что он не виноват” [1, л. 21–22].

На вопрос с места “Они были исключены из партии, а потом осуждены или они оставались коммунистами и были осуждены?” Галимов ответил, что трудно говорить в отношении каждого. Но в большинстве случаев они были исключены из партии до осуждения.

На вопрос с места “В связи с обвинительными делами они были исключены из партии или по партийной деятельности были исключены?” прозвучал ответ, что по делам были исключены не все. Например, Абдурахманов был исключен в 1933 г., когда был председателем Совнаркома Киргизской ССР, за антипартийные проступки. С места прозвучало уточнение: “Потом был восстановлен, когда работал в Оренбургской области” [1, л. 23]. Прокурор добавил, что он был арестован в Оренбурге и был истребован в республику.

На вопрос с места: “Относительно Айдарбекова. Он обвинялся по политическим делам, но добавляли, что он сын крупнейшего кулака Чуйской долины. Во-вторых, теперь реабилитирован. Работал долгие годы председателем Пржевальского исполкома. Как быть в отношении его?”

Можно ли переменить его фамилию и включить в историю, как здесь быть?” Галимов ответил, что надо смотреть каждое дело для определения степени вины отдельных лиц, допущенных ими или совершенных ими по партийной линии или по работе, которые были установлены.

На вопрос с места “Тридцатка проходит по тем материалам, которые имеются, как антисоветская группа, как националистическая группа. Предположим, Рыспеков является членом тридцатки, а это антисоветская группа. Но само собой применялось другое выражение – антипартийное течение. Как здесь надо рассматривать эту группу?” прокурор сообщил следующее: “...В истории нашей коммунистической партии Киргизии в тот момент все это предъявлялось каждому из них, особенно руководящим работникам. Вы знаете решение бюро, как оно квалифицирует это, и я, конечно, рекомендовал бы вам, чтобы решить эти вопросы и уточнить положение, лучше обратиться в партийный архив, там все есть и очень много. Я помню с первых дней зарождения партийной организации в Киргизии... И в тот период, как раз с 1926 по 1930 год я работал в контрольной комиссии, и не проходило ни одного бюро объединенного обкома и контрольной комиссии, где не обсуждался бы вопрос о группировках. На конференциях, на съездах, на пленумах, как говорится, предметом обсуждения были эти вопросы. Так что в партийном архиве имеется очень много документов. Там все можно найти” [1, л. 23–24].

На вопрос с места о том, как подходить к имеющемуся в архивах обвинительному заключению по Сыдыкову, Абдурахманову, где они квалифицируются как антисоветские деятели, Галимов ответил, что сейчас нельзя считать его за основу, так как конкретное дело по обвинению прекращено, и они оправданы.

На вопрос с места “Если бы кто-нибудь о Худайкулове подал жалобу, мог бы он быть реабилитирован?” был дан такой ответ: “По первому делу установлено все. Там был открытый процесс, там сотни свидетелей были” [1, л. 25].

На вопрос с места “Меня интересуют Швец-Базарный и Карабеков. Швец-Базарный когда-то, в 1937 г. или раньше, был сослан на поселение. Он был осужден или только сослан?” прокурор ответил следующее: “Я затрудняюсь ответить на этот вопрос, не могу упомянуть все. И во-вторых, в тех списках, которые я получил, его не было. Но возможно есть, потому что по

Ошу много дел пришло, которые были пересмотрены, в частности, Верховным судом СССР было пересмотрено три дела на большую группу лиц, бывших работников облисполкома, а я не помню. Швеиц-Базарного я лично знаю, но о нем сказать что-либо я ничего не могу, потому что никто не обращался. По-моему, он реабилитирован. Он видимо был осужден и реабилитирован по линии военного трибунала” [1, л. 25а].

На вопрос “Фатьянова вы знаете?” Галимов сказал, что не помнит, привлекался тот или нет (Фатьянов не подвергся политическим репрессиям [2, с. 80–88]). По членам ЦК КП Киргизии человек 20 не привлекалось. На вопрос “Манжара реабилитирован или нет?” прокурор ответил, что у прокуратуры никаких данных нет. Он знает и Фатьянова, и Манжару.

На вопрос “В отношении Шахрая, Юлдашева и Белоцкого что вы знаете?” Галимов пояснил, что дело Белоцкого пересмотрено и прекращено производством, он реабилитирован. “Но все-таки нельзя сказать, что по партийной линии он был не виноват, есть, конечно, вина”. С места прозвучала реплика “Вы говорите свое впечатление, а надо говорить то, что было?” Прокурор продолжил: “Я извиняюсь, но я могу ответить на этот вопрос. Юлдашев К. тоже реабилитирован. О Шахрае данных не имею, не знаю, привлекался он или нет”. С места кто-то дополнил: “Привлекался, когда уехал из Киргизии” [1, л. 25а–26].

Прокурор ответил на вопрос о судьбе наркома НКВД Киргизской ССР Лоцманова, что тот был привлечен к ответственности и осужден, но не в республике. Лоцманова арестовали во время поездки в Оренбург. Его дело не было пересмотрено.

В ход собрания вмешался председательствующий: “Может быть, не все члены авторского коллектива знают осужденных по партийной линии? разрешите зачитать список [лиц], которые были в партийном отношении реабилитированы. Затем были пересмотрены дела на бюро ЦК. Худайкулов в партийном отношении не реабилитирован. Абдрахманов в партийном отношении не реабилитирован, Сыдыков в партийном отношении не реабилитирован” [1, л. 26].

С места прозвучал вопрос: “А Белоцкий?”. Галимов ответил: “Реабилитирован. Его [дело] должны рассматривать в Москве. Товарищи, то, что говорится в партийном отношении, это значит были серьезные ошибки. И все это, конечно,

не снимается с них. Что касается Левина, то он один из первых выступивших в Джалал-Абаде. Успенский. У него тоже были колебания. Якумбаев, он не был арестован, работал председателем в ..., там и умер. Встречается в истории Сарыбатыров. Из партии он исключен. А Сарыбаев нам не известно, где он работал и кем. Но Суханов привлекался, был секретарем Каракольского обкома партии. За связь с бай-манапами привлекался Мусабаев, [он] работал секретарем Нарынского райкома партии” [1, л. 27].

В ход собрания вмешался председательствующий: “Кулумбаев был членом бюро обкома партии и был в числе тридцатки”. Галимов добавил: “Мукамбаев тоже реабилитирован”. Председательствующий завершил собрание: “[Он] работал председателем Каракольского облисполкома. Товарищи, если у вас нет вопросов, то с первым вопросом мы закончили. Разрешите поблагодарить тов. Галимова. Но надо сказать, что это только начало нашей работы. Нас могут интересовать другие вопросы, связанные с деятельностью прошлых партийных и советских руководящих работников. Просьба к вам информировать нас не по всем делам, а которые будут фигурировать, например, Айдарбеков и другие вопросы” [1, л. 26–27].

Кроме того, была достигнута договоренность, что прокурор г. Фрунзе А.Я. Романов через ЦК партии должен был передать ответы на вопросы, подготовленные авторами по неясным моментам и персоналиям после собрания. Отметим интересный факт: в ходе собрания вопросы прокурору Галимову историки задавали с мест, не представляясь.

Информация прокурора республики стала для авторов очерков определенной рамкой дозволенного, в которой они нуждались, и позволила сформулировать идеологические оценки. Многие из имен, прозвучавших на том собрании, вошли в текст очерков (и позже в другие исторические публикации) и получили разные политические оценки. Часть озвученных имен осталась под запретом, некоторые были совсем забыты.

Считаем важным отметить озвученный в ходе собрания тезис прокурора республики Галимова о том, что реабилитация в судебном порядке не является основанием для одностороннего позитивного отношения ко всем реабилитированным лицам (в данном случае, к чиновникам и деятелям культуры), пересмотру оценок их политической и иной деятельности. Невинность

в конкретном деле не означает безупречности всей политической биографии.

Редколлегия очерков включала Казакбаева А., Каракеева К.-Г., Миртова В.В., Семенова И.Е., Табышалиева С. В авторский коллектив издания входили Зима Б.М., Забиров К.Г., Ибраимов И., Исаков Т., Керимбаев С.К., Липович В.В., Миртов В.В., Мейер А.А., Никишов П.П., Орозалиев К.К., Омуралиев А., Семенов В.Н., Семенов И.Е., Табышалиев С., Ухванов П.И. В подготовке рукописи очерков к печати также принимали участие научные сотрудники Института истории партии при ЦК КП Киргизии В.Я. Зеликов, Н.И. Иваненко, И.П. Поклонский. В подборе архивных материалов к отдельным главам участвовал сотрудник архива Киргизского филиала ИМЛ В.В. Санников [3, с. 6].

“Очерки истории Коммунистической партии Киргизии”, изданные в 1966 г. (уже после смены эпохи и к 40-летию создания Киргизской АССР), служили идеологическим ориентиром для местных историков и других гуманитариев вплоть до конца 80-х гг. Их учитывали авторы научных и справочных работ, учебников по истории и литературе республики. Даже критическая или ругательная оценка в тексте “Очерков” давала возможность на дальнейшее упоминание имени в других изданиях и публичном пространстве. Позже в республике выходили и другие издания

“Очерков истории Коммунистической партии Киргизии” [4; 5]. Среди их авторов были многие из историков, которые участвовали в написании “Очерков”, изданных в 1966 г. А их содержание во многом воспроизводило первое издание.

В итоге издание “Очерки истории Коммунистической партии Киргизии” привело к определенным позитивным изменениям в исторической и культурной политике, исторической науке и исторических публикациях в республике.

Литература

1. Центральный государственный архив общественно-политической документации КР. Ф. 391. Оп. 2. Д. 122.
2. Дятленко П.И. Вклад И.А. Фатянова в создание и развитие Киргизской АССР // Материалы международной научной конференции “Россия и Узбекистан: исторический опыт модернизации в процессе взаимодействия и диалога цивилизаций”. Ташкент: Paradigma, 2018. С. 80–88.
3. Очерки истории коммунистической партии Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1966.
4. Очерки истории коммунистической партии Киргизии. Фрунзе: Кыргызстан, 1975.
5. Очерки истории коммунистической партии Киргизии. Изд. 2-е, перераб. Фрунзе: Кыргызстан, 1979.